Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв.

А. В. Мастыкова¹

Аннотация. В статье рассматривается находка крупной многогранной бусины из горного хрусталя на поселении колочинской культуры Картамышево-3 на Верхнем Псле (Обоянский район, Курская область). Приведены находки подобных бус в Северном Причерноморье, на Кавказе, в Центральной и Западной Европе. Благодаря этим параллелям устанавливается хронология хрустальных граненых бус в рамках конца III / IV — второй половины VII в. Эти бусы, средиземноморского или сасанидского происхождения, скорее всего попадают в Среднее Поднепровье в результате контактов с Юго-Западным Крымом в последней трети VI — первой половине VII в.

Annotation. The article deals with the discovery of a great multifaceted crystal bead in the settlement of the Kolochin culture of Kartamyshovo-3 in Upper Psel (Oboyansk district, Kursk region). Findings of such beads are given in the Northern Black Sea region, in the Caucasus, in Central and Western Europe. Thanks to these parallels, the chronology of crystal faceted beads is established within the framework of the end of the III / IV — the second half of the VII century. These beads, of Mediterranean or Sassanian origin, most likely fall into the Middle Dnieper as a result of contacts with the South-Western Crimea in the last third of the VI — first half of the VII century.

Ключевые слова: многогранные бусы из горного хрусталя, колочинская культура, раннее средневековье, Среднее Поднепровье, Северное Причерноморье.

Keywords: multifaceted rock crystal beads, Kolochin culture, the early Middle Ages, the Middle Dnieper, Northern Black Sea region.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-272-288

Данная работа посвящена одной редкой для раннеславянского контекста находке — большой многогранной бусине из горного хрусталя, найденной на Днепровском Левобережье. Будет предпринята попытка уточнить ее датировку и установить возможное происхождение. Рассматриваемая бусина, точнее ее фрагмент (рис. 1, А), была найдена в культурном слое поселения Картамышево-3 на правом берегу Верхнего Псла (Обоянский район, Курская обл.) (рис. 1, Б, 1). На поселении представлены материалы колочинской и роменской культур, а также древнерусского времени. Однако авторы публикации

памятника обоснованно отнесли эту бусину к древностям колочинской культуры (последнюю большинство исследователей связывает со славянами) и, опираясь на крымские и абхазские параллели, предварительно датировали находку, а на ее основании и весь колочинский слой памятника, второй половиной VI — VII в. (Щеглова, Бажан, 1983. С. 65, 66, рис. 2, 8). Как мы увидим далее, такая дата возможна, но вряд ли она является оптимальной.

Многогранные крупные бусы из горного хрусталя довольно широко распространены в Восточной Европе и Западном Закавказье (рис. 1, Б). При изучении северокавказских, абхазских и среднедунайских древностей мне уже пришлось неоднократно анализировать хрустальные бусы

¹ Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; E-mail: amastykova@mail.ru.

Рис. 1. А — хрустальная многогранная бусина из Картамышево-3 (Щеглова, Бажан, 1983. Рис. 2, 8);
Б — распространение крупных многогранных бусин из горного хрусталя в Восточной Европе и в Западном Закавказье: 1 — Картамышево-3; 2 — Керчь; 3 — Суук-Су; 4 — Скалистое; 5 — Лучистое; 6 — Алмалык-Дере; 7 — Адым-Чокрак; 8 — Пашковский могильник № 1; 9 — Бжид-1; 10 — Хабаз; 11 — Бермамыт; 12 — Агара Армянская; 13 — Шапка; 14 — Цибилиум; 15 — Чинталук; 16 — Дюрсо. С учетом масштаба карты локализация археологических памятников приближительна

Fig. 1. A — Multifaceted crystal bead from the settlement of Kartamyshevo-3 (Щеглова, Бажан, 1983. Fig. 2, 8);
Б — distribution of large multifaceted crystal beads throughout Eastern Europe and in the Western Transcaucasia: 1 — Kartamyshevo-3; 2 — Kerch; 3 — Suuk-Su; 4 — Skalistoye; 5 — Luchistoye; 6 — Almalyk-Dere; 7 — Adym-Chokrak; 8 — Pashkovskaya 1 cemetery; 9 — Bzhid-1; 10 — Khabaz; 11 — Bermamyt; 12 — Armenian Atara; 13 — Shapka; 14 — Tsibilium; 15 — Chintaluk, 16 — Dyurso. The localization of the archaeological sites is approximate because of the scale of the map

подобной формы и размера (Kazanski, Mastykova, 2007. Р. 49; Ivanišević et al., 2006. Р. 70, 71; Мастыкова, 2009. С. 99, 100; Мастыкова и др., 2016. С. 25, 26). Поэтому для обоснования предлагаемых ниже хронологии и происхождения данных бус будут кратко изложены результаты моих предшествующих исследований.

В Северном Причерноморье крупные граненые бусы из горного хрусталя известны прежде всего в Крыму — в восточной и юго-западной частях

полуострова (рис. 1, Б, 2–7). На Боспоре Киммерийском необходимо упомянуть находку в аристократическом погребении, обнаруженном в 1896 г. на Глинище. В склепе с двумя ингумациями был найден меч с подвеской в виде крупной хрустальной многогранной бусины (Штерн, 1897. Рис. 8). Погребение, судя по сопровождающему инвентарю, относится к гуннскому времени, то есть к последней трети IV — последней трети V в. (Казанский, 2010. С. 309).

Рис. 2. Находки из погребения № 46 могильника Суук-Су (Репников, 1906. Рис. 41, 43, табл. III, 7, 8; IX, 7): 1, 2, 5 — серебро; 3, 4 — горный хрусталь

Fig. 2. Finds from burial no. 46 at the cemetery of Suuk-Su (Репников, 1906. Fig. 41, 43. Pl. III, 7, 8; IX, 7): 1, 2, 5 — silver; 3, 4 — rock crystal

В Юго-Западном Крыму, где в раннем средневековье находилась готская страна Дори (см.: Айбабин, Хайрединова, 2017), подобные бусы встречены в составе женского костюма в несколько более позднем контексте. В погребении № 46 готского могильника Суук-Су (Репников, 1906. С. 12, 13, табл. III, 7, 8)² хрустальные бусы, в том числе

² В описании погребения № 46 Н. И. Репниковым сделаны ссылки на хрустальные бусы другого типа (Репников, 1906. С. 12), но в перечне предметов

и рассматриваемого типа (рис. 2, 3, 4), входили в состав типичного женского убора с большими двупластинчатыми фибулами (рис. 2, 1, 2) и орлиноголовой пряжкой раннего варианта (рис. 2, 5) (Там же. Рис. 41; 43, табл. IX, 7). Такой убор в Юго-Западном Крыму принято датировать второй половиной VI в. (из последних работ: Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 168, 169, 264–267). Аналогичная бусина из горного хрусталя найдена и в склепе № 86 этого же могильника (Репников, 1906. С. 25. Табл. III, 7)³ (рис. 3, 3) в составе женского костюма, где присутствовали орлиноголовая пряжка позднего варианта (рис. 3, 4) и две так называемые антские пальчатые фибулы (Там же. Табл. VI, 1, 7; IX, 8) (рис. 3, 1, 2), происходящие из Среднего Поднепровья. Наиболее обоснованная дата днепровских пальчатых фибул, как и всего «антского» убора, — последняя треть VI / первая треть или первая половина VII в. (подробнее см.: Казанский, 2014. С. 53–55, 78–86; там же библиография).

В Юго-Западном Крыму крупные граненые бусы из горного хрусталя известны еще, по крайней мере, на четырех памятниках. На Скалистинском могильнике такая бусина была обнаружена в парном погребении № 422 (рис. 4, 1), где мужская ингумация сопровождалась ременной гарнитурой так называемого геральдического стиля середины VI — второй трети VII в. (рис. 4, 7–19) (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 101, 102, рис. 75, 15). Подобные хрустальные бусы отмечены и на могильнике Лучистое: в захоронении № 1 склепа № 79 (рис. 5, 20), относящегося к рубежу VI–VII в. по наличию византийской широкопластинчатой подвязной фибулы (рис. 5, 1) и пряжки геральдического стиля (рис. 5, 2) (Айбабин, Хайрединова, 2014. С. 40–42, 126, 127, табл. 199, 20; 250, 23); в засыпи дромоса многослойного склепа № 43, датированного временем от конца VI в. и до конца VII в. (Там же. С. 49, рис. 12, табл. 5, 2). Около Мангуна, в некрополе Алмалык-Дере, второй половины IV — первой половины VII в., хрустальная граненая бусина зафиксирована в ограбленном

в таблице III под номерами 7 и 8 указано, что эти многогранные хрустальные бусы происходят из погребения № 46 (Там же. С. 48, табл. III, 7, 8).

³ В описании погребения № 86 отсылка на находку такой бусины указана как табл. III, 8 (Репников, 1906. С. 25, табл. III, 8). В перечне предметов в таблице III находка из погребения № 86 упоминается под номером 7 (Там же. С. 48, табл. III, 7).

погребении № 64/1998 (*Mączyńska et al.*, 2016. S. 104, taf. 30, 6). Бусина такого типа найдена в катакомбе 32 могильника Адым-Чокрак (рис. 6, 3), расположенного у южных склонов Мангупа (*Vetmann et al.*, 2013. Taf. 21, 10). В состав погребального инвентаря, помимо прочих предметов, входили подвеска в виде изогнутого листа, золотая серьга с гроздевидной подвеской на кольце (рис. 6, 1, 8), цельнолитая пряжка с фигурным щитком, украшенным перекрещивающимися линиями (тип D20 по М. Schulze-Dörrlamm), цельнолитая пряжка с удлинненным щитком с дисковидным окончанием (тип D 15 по М. Schulze-Dörrlamm) (рис. 6, 4, 5). По хронологии М. Шульце-Дёррлам эти две пряжки датируются временем около 600/610 по 670/680 гг. (*Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 184–186, 189–192, 247, 248). Подобный набор вещей отмечен в склепе № 257 второй половины VII в. могильника Эски-Кермен (*Айбабин, Хайрединова*, 2008. Рис. 29).

На Северном Кавказе (рис. 1, Б, 8–11, 16) многогранные бусы из горного хрусталя известны на следующих памятниках: Дюрсо, погребения № 259 (рис. 7, 15), 516; Пашковский могильник 1, погребение № 2.1948 г. (рис. 8, 1), тайник погребения № 5.1949 г.; Бжид-1, погребение № 57 (рис. 9, 15), а также, по сведениям В. Б. Ковалевской, — в коллекциях Хабаза и Бермамытского могильника близ Кисловодска (*Мастыкова*, 2009. С. 98–100; там же библиография по находкам; *Мастыкова и др.*, 2016. С. 25, 26, табл. 22, 4, 5). Хронология комплексов, где встречены интересующие нас бусы, охватывает период от последней трети V — первой трети VI в. (погребения № 359 и 516 могильника Дюрсо; погребение № 2.1948 г. Пашковского могильника № 1) по вторую треть VI в. (Пашковский могильник № 1, погребение № 5.1949 г.) (подробнее см.: *Казанский*, 2001. С. 52; *Мастыкова и др.*, 2016. С. 81).

В Восточном Причерноморье бусы из хрусталя рассматриваемого типа отмечены в Абхазии (рис. 1, Б, 12–15): Атара Армянская, погребения № 1, 9; Шапка-Абгыздраху, погребения № 15, 62; Шапка-Алраху, погребение № 20 (подвеска к мечу); Шапка-Апианча, погребение № 6 (подвеска к мечу); Шапка-Церковный Холм-4, погребения № 2, 8, 9, 4 и 5 — подвески к мечу; Чинталук, а также две бусины из Цебельды (коллекция ГИМ, сборы С. И. Четверухина, инв. № 84974, № оп. 942). Хрустальные бусы такой формы и размера найдены на могильниках Цибилуим-1 и Цибилуим-2 также не только в составе ожерелий в женских

Рис. 3. Находки из погребения № 86 могильника Суук-Су (*Репников*, 1906. Табл. III, 7; VI, 1, 7; IX, 8): 1, 2 — бронза; 3 — горный хрусталь; 4 — серебро

Fig. 3. Finds from burial no. 86 at the cemetery of Suuk-Su (*Репников*, 1906. Pl. III, 7; VI, 1, 7; IX, 8):

1, 2 — bronze; 3 — rock crystal; 4 — silver

могилах № 89, 113, но и в воинских захоронениях № 257 и 399, где они, по мнению Ю. Н. Воронова, служили навершием для железных мечей (*Воронов*, 2003. Рис. 42, 28; 57, 20; 120, 19; 191, 13). Эти могилы содержат погребальный инвентарь, характерный для последней трети IV — середины V в., то есть для стадии III абхазской хронологии: 380/400 — 440/450 гг. (*Kazanski, Mastykova*, 2007. P. 49, 57, Pl. 44, 9) или, согласно датировкам цебельдинской культуры по О. А. Гей и И. А. Бажану, к периоду 7, то есть 400–425 гг. (*Гей, Бажан*, 1997. С. 25, 26, табл. 28). Многогранная хрустальная бусина имеется в составе ожерелья еще в одном женском погребении № 31 некрополя Цибилуим-1 (*Воронов*, 2003. Рис. 11, 8), но эта могила, судя по набору вещей, относится к более позднему времени, 530/550–640/670 гг., что соответствует стадии IV/10–11 (*Kazanski, Mastykova*, 2007. P. 49, 59, Pl. 44, 9).

Рис. 4. Находки из погребения № 422 Скалистинского могильника (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 75, 1–21): 1 — горный хрусталь; 2, 3 — халцедон; 4–6, 8–10, 12–15, 17 — серебро; 7, 11, 16, 18, 19 — бронза, 20, 21 — железо
Fig. 4. Finds from burial no. 422 at the Skalistinskij cemetery (Веймарн, Айбабин, 1993. Fig. 75, 1–21): 1 — rock crystal; 2, 3 — chalcedony; 4–6, 8–10, 12–15, 17 — silver; 7, 11, 16, 18, 19 — bronze, 20, 21 — iron

Впрочем, надо отметить, что и огранка этой хрустальной бусины отличается от предыдущих, которые датируются более ранним временем.

Итак, в Абхазии крупные граненые бусы из горного хрусталя входили в состав ожерелий, а также служили украшением меча в качестве наконечника или подвески к нему. По наблюдению Ю. Н. Воронова и Н. К. Шенкао, бусы из хрусталя, которые подвешивались к рукояти мечей, появляются в погребениях на территории Абхазии с середины VI в., до этого времени чаще использовались бусы из стекла или янтаря. По мнению исследователей, это характерная черта эпохи Великого переселения народов, которая была

воспринята апсильскими воинами (Воронов, Шенкао, 1982. С. 130).

Одна находка многогранной бусины из горного хрусталя известна и в Южной Сибири. В погребении воинского предводителя IV в. на могильнике Сопка 2 (могила 668) она была надета на штырь наконечника меча (Molodin, 1995. Abb. 6, 7).

Бусы рассматриваемого типа были распространены в Центральной Европе (последняя сводка: Zábajník et al., 2017). Здесь они встречаются с рубежа III–IV вв., как показывает находка в «княжеской» могиле в Закшуве (Zarzów/Sackrau II) в Силезии (Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 90, taf. 19, 508). Но особенно широко в Центральной Европе

Рис. 5. Находки из погребения № 1 в склепе № 79 могильника Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2014.

Табл. 199): 1, 22, 23 — железо; 2, 6 — серебро; 3, 8, 18, 12-17, 19, 21 — янтарь; 4, 18 — бронза; 5 — сердолик; 7, 9-11, 13, 15, 16 — стекло; 20 — горный хрусталь

Fig. 5. Finds from burial no. 1 in tomb no. 79 at the cemetery of Luchistoye (Айбабин, Хайрединова, 2014. Pl. 199):

1, 22, 23 — iron; 2, 6 — silver; 3, 8, 18, 12-17, 19, 21 — amber; 4, 18 — bronze; 5 — cornelian; 7, 9-11, 13, 15, 16 — glass; 20 — rock crystal

Рис. 6. Находки из катакомбы 32 могильника Адым-Чокрак (Bemmann et al., 2013. Taf. 20; 21): 1, 2, 4, 5 — бронза; 3 — горный хрусталь; 6, 7, 9, 10 — серебро; 8 — золото; 11, 12 — сердолик; 13–18, 20–23 — стекло; 19, 24–37 — янтарь

Fig. 6. Finds from catacomb 32 of the Adym-Chokrak burial ground (Bemmann et al., 2013. Taf. 20; 21): 1, 2, 4, 5 — bronze; 3 — rock crystal; 6, 7, 9, 10 — silver; 8 — gold; 11, 12 — cornelian; 13–18, 20–23 — glass; 19, 24–37 — amber

Рис. 7. Находки из погребения № 259 могильника Дюрсо (Мастыкова, 2009. Табл. 6, 1-15):
1, 16, 17, 19, 20-22 — серебро; 2-6, 8-11, 24-26 — стекло; 12 — белый материал; 7, 13 — янтарь;
14, 15 — горный хрусталь; 18, 23, 27 — глина

Fig. 7. Finds from burial no. 259 at the cemetery of Dyurso (Мастыкова, 2009. Pl. 6, 1-15):
1, 16, 17, 19, 20-22 — silver; 2-6, 8-11, 24-26 — glass; 12 — white material; 7, 13 — amber;
14, 15 — rock crystal; 18, 23, 27 — clay

Рис. 8. Находки из погребения 2.1948 г. Пашковского могильника № 1 (Смирнов, 2016. Рис. 11): 1 — хрусталь; 2–6 — янтарь; 7–9, 12 — стекло; 10, 11 — сердолик; 13, 14, 15 — бронза

Fig. 8. Finds from burial no. 2.1948 at the Pashkovskaya cemetery no. 1 (Смирнов, 2016. Fig. 11): 1 — rock crystal; 2–6 — amber; 7–9, 12 — glass; 10, 11 — cornelian; 13, 14, 15 — bronze

Рис. 9. Находки из погребения № 57 могильника Бжид-1 (Мастыкова, 2009. Табл. 4): 1, 7 — белый сплав; 2, 4-6, 8 — бронза; 3 — железо; 9-14, 25 — стекло; 15 — горный хрусталь; 16-24 — янтарь

Fig. 9. Finds from burial no. 57 at the cemetery of Bzhid-1 (Мастыкова, 2009. Pl. 4): 1, 7 — white alloy; 2, 4-6, 8 — bronze; 3 — iron; 9-14, 25 — glass; 15 — rock crystal; 16-24 — amber

Рис. 10. Находки из погребения № 118 некрополя Виминациум (*Viminacium*) (*Ivanišević et al.*, 2006. Pl. 15):
 1 — хрусталь; 2–4 — стекло, янтарь, металл; 5, 6 — серебро; 7, 9, 10 — железо; 8 — железо, серебро; 11 — бронза
 Fig. 10. Finds from burial no. 118 at the necropolis of Viminacium (*Ivanišević et al.*, 2006. Pl. 15): 1 — crystal;
 2–4 — glass, amber, metal; 5, 6 — silver; 7, 9, 10 — iron; 8 — iron, silver; 11 — bronze

такие бусы бытуют во второй половине V — VI в. На Дунае они известны у гепидов, например, в некрополе Кишзомбор (Kiszbombor) (погребение № 96) и у лангобардов в погребениях первой половины VI в. — Вена VI и Хедькё (Hegykö). Бусы этого типа встречены в пограничном германском некрополе ранневизантийского Виминациума (*Viminacium*) в Северном Иллирикуме (рис. 10, 1) и в лангобардском могильнике Холубице (Hlubice) в Моравии (*Ivanišević et al.*, 2006. Р. 70; *Мастыкова*, 2009. С. 99; там же библиография по находкам). Находка многогранной хрустальной бусины в аварском могильнике Чатай (Čataj) в Словакии относится к несколько более позднему времени (*Zábojník et al.*, 2017).

В Германии и Северной Франции граненые бусы из горного хрусталя характерны для раннемеровингских древностей середины V — VI в. В последнее время такие бусы обнаружены и в Южной Галлии. Бусы подобного типа известны в погребении первой половины/середины VI в. Вильнев-О-Шателе (*Villeneuve-au Châtelet*) в парижском регионе, а также в погребениях тюрингских некрополей Штоссен (*Stossen*) (погребение № 19) и Нидерроспа (*Niederrospa*) (погребение № 7 с фибулой середины VI в.) (*Kazanski, Mastykova*, 2003. С. 163, 164). На могильнике Базель-Кляйнхюнингген (*Basel-Kleinhüningen*) хрустальная граненая бусина отмечена в погребении № 35 вместе с фибулами и наконечниками ремня времени около 500 г. (конец V — начало VI в.) (*Giessler-Müller*, 1992. Taf. 5, 6, 7, 9, 11, 12), а в погребении № 230 этого же могильника — вместе с малыми коньковыми фибулами времени 440/450–470/480 гг. В захоронении № 676 некрополя Вайнгартен I (*Weingarten*) хрустальная граненая бусина была вместе с птицевидными и пальчатыми фибулами, которые датируются 490–530 гг. по меровинго-аламаннской хронологии (см., например: *Legoux et al.*, 2004; *Roth, Theune*, 1988). В могиле 1272 баварского некрополя Альтенердинг (*Altenerding*) хрустальная бусина подобной формы найдена вместе с ожерельем из полихромных стеклянных бус, характерных для первой половины/середины VI в.; в могиле 18 нормандского некрополя Френувиль (*Frenouville*) — также в контексте первой половины/середины VI в. В погребении № 2 могильника Хейлбронн-Бёкинген (*Heilbronn-Böckingen*) в Швабии (*Koch et al.*, 2017. С. 239–245. Fig. 25, 4, 5, taf. 4) хрустальная бусина-подвеска на проволочном кольце (рис. 11, 32) находилась с набором вещей, характерным для середины V в.: пара

аламаннских фибул типа Хейлбронн (рис. 11, 27), коньковая (изображение всадника на коне) фибула (рис. 11, 21), гребень типа Томас II (рис. 11, 35), монеты 408–450 гг. и 425–455 гг. Находки бус рассматриваемого типа отмечены в аламаннских некрополях Киршхайм (*Kirchheim*), в контексте второй половины V в.; Фридинген (*Friedingen*), в погребении середины VI в.; Гюльтлинген-Бухен (*Gültlingen-Buchen*), второй половины V — середины VII в. (*Ivanišević et al.*, 2006. Р. 70; *Quast*, 1993. С. 103; *Мастыкова*, 2009. С. 100; там же библиография по находкам).

По мнению Д. Кваста, хрустальные многогранные бусы распространяются в период с IV по VI в. н. э. включительно (*Quast*, 1993. С. 94, 95). Однако в Англии, где находки крупных граненых бус из горного хрусталя также известны для V–VI вв. (см., например: *Vierck*, 1977. Abb. 1, 32), наиболее поздние комплексы относятся к первой половине VII в. (*Meaney*, 1981. Р. 77, fig. I, m, 6), что совпадает с датой некоторых крымских находок, упоминавшихся выше. В целом же, как можно было убедиться, хрустальные крупные многогранные бусы датируются в широком диапазоне от позднего III / раннего IV в. по вторую половину VII в.

Что касается использования крупных граненых хрустальных бус, то по сводке немецких археологов (*Busch, Korteweg*, 1988) 90 % происходят из женских погребений. Однако известны они и в мужских погребениях с мечами, например: Керчь-Глинище, погребение 1896 г.; Цибилиум-1, захоронение № 257; Цибилиум-2, погребение № 399; Шапка-Алраху, погребение № 20; Шапка-Апианча, погребение № 6; Шапка-Церковный Холм-4, погребения № 4, 5; могильник Сопка 2, погребение № 668; Хаммельбург (*Hammelburg*), погребение 1895 г. В этих случаях такие бусы могли служить темляками или, как считают многие немецкие археологи, магическими подвесками к мечам (*Quast*, 1993. С. 94, 95).

Видимо в гуннское время, то есть в последней трети IV — последней трети V в., крупные граненые бусы из горного хрусталя присутствуют как редкий престижный элемент «княжеской» культуры. Стоит сказать, что такие бусы встречаются в погребениях, как правило, по одному экземпляру, что, вероятно, объясняется его дороговизной. К примеру, подобной формы хрустальные бусы в погребениях некрополей Отрарского оазиса в Южном Казахстане обычно входили в состав

Рис. 11. Находки из погребения № 2 некрополя Хейлбронн-Бёкинген (Heilbronn-Böckingen) (Koch et al., 2017. Taf. 4): 1, 21, 27-29, 31 — серебро; 2-20 — стекло; 22-24 — янтарь; 26 — халцедон; 25, 30 — материал не определен; 32 — горный хрусталь, серебро; 33, 36 — бронза; 34, 35 — кость

Fig. 11. Finds from burial no. 2 at the necropolis of Heilbronn-Böckingen (Koch et al., 2017. Taf. 4): 1, 21, 27-29, 31 — silver; 2-20 — glass; 22-24 — amber; 26 — chalcedony; 25, 30 — material unidentified; 32 — rock crystal, silver; 33, 36 — bronze; 34, 35 — bone

«амулетных наборов», который был атрибутом исключительно женских захоронений (*Байпаков и др.*, 2005. С. 41, 42, 55). Те погребения, в которых отмечены «амулетные наборы», отличались богатством и разнообразием как самого «амулетного набора», так и другого сопровождающего инвентаря, что, по мнению авторов, маркировало высокий социальный статус этих женщин (*Там же*. С. 43).

Но особое распространение они, как видно из приведенного выше списка находок, получают в середине V — VI в., причем встречаются уже и в могилах «среднего класса». Впрочем, такая картина распространения — вначале в богатых погребениях, а затем и в рядовых — показательна и для других типов бус, например, янтарных с нарезным линейным декором (*Мастыкова*, 2004) или халцедоновых эллипсоидной формы (*Мастыкова*, 2001).

Крупные многогранные бусы из горного хрусталя, по мнению Д. Кваста, происходят из Средиземноморского бассейна, в то время как ряд других исследователей считает, что эти бусы являются сасанидским импортом (*Quast*, 1993. S. 94, 95). По крайней мере часть их может действительно происходить из Индии и сасанидского Ирана. Так, например, граненые бусы из хрусталя известны в Средней Азии в бассейне Сыр-Дарьи — на некрополе Алтынасар 4 (погребальные комплексы в курганах № 246, 247/2), принадлежащем джетыясарской культуре (*Левина*, 1994. Рис. 166, 43, 47; 1996. Рис. 143, 144), а также в упоминавшихся выше погребениях некрополей Отрарского оазиса в основном в контексте III–V вв. (*Байпаков и др.*, 2005. С. 55, рис. 1.47, 13). Именно в Среднюю Азию хрустальные многогранные бусы, скорее всего, могли попадать из Индии или Ирана.

Подчеркну, что на Кавказе больше всего таких бус найдено в западной части региона (Кабардино-Балкария, Абхазия, Нижняя Кубань, Черноморское побережье Северного Кавказа), то есть в зоне византийского влияния (рис. 1, Б.8–16). Таким образом, есть основания отнести крупные хрустальные граненые бусы, найденные на Северном Кавказе, к средиземноморскому, а не к восточному импорту. В полной мере это относится и к крымским, а возможно, и к основной части центрально- и западноевропейских изделий из хрусталя.

Возвращаясь к находке хрустальной многогранной бусины на поселении Картамышево-3, можно предположить, что сюда она попала, скорее всего, из Юго-Западного Крыма. На эту мысль наводят довольно многочисленные находки так называемых антских пальчатых и антропоморфных фибул последней трети VI — первой половины VII в.⁴ в могильниках крымских готов страны Дори (рис. 3, 1, 2) (из последних работ: *Айбабин, Хайрединова*, 2017. С. 264, 265), несомненно, свидетельствующие о значительных контактах со Средним Поднепровьем. Такого рода связи могли осуществляться через посредство степных народов Северного Причерноморья. Не стоит, однако, исключать и возможность прямого контакта населения Поднепровья с Причерноморьем — вспомним описание плаваний русов по Днепру у Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, гл. 9).

Если рассматриваемая граненая бусина из горного хрусталя попала на Псёл в рамках этих контактов, то вероятнее всего это произошло в эпоху наибольшего распространения днепровских фибул, то есть в последней трети VI — первой половине VII в.

⁴ О датировке днепровских фибул см.: *Казанский*, 2014. С. 53–55.

Айбабин, Хайрединова, 2008 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Симферополь; Керчь: Адеф-Украина, 2008. Т. I: Раскопки 1977, 1982–1984 годов. 334 с.

Айбабин, Хайрединова, 2014 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Симферополь; Керчь, 2014 (Боспорские исследования. Supplementum 4). Т. II: Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. 400 с.

Айбабин, Хайрединова, 2017 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори

(середина III — VII в.). Симферополь: Антика, 2017. 367 с.

Байпаков и др., 2005 — *Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ергигитова А. А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Изд-во Баур, 2005. 236 с.

Веймарн, Айбабин, 1993 — *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 206 с.

Воронов, 2003 — *Воронов Ю. Н.* Могилы апсолов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 347 с.

- Воронов, Шенкао, 1982 — Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
- Гей, Бажан, 1997 — Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.
- Казанский, 2001 — Казанский М. М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах (Армавирского Краеведческого музея). Армавир; Краснодар, 2001. Вып. 7. С. 41–58.
- Казанский, 2010 — Казанский М. М. «Вожделские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. I. С. 325–338.
- Казанский, 2014 — Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
- Константин Багрянородный — Константин Багрянородный. Об управлении империей. [Греч.] текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 493 с.
- Левина, 1994 — Левина Л. М. Джетыясарская культура. М.: ИЭИА, 1994 (Низовья Сырдарьи в древности; Вып. IV). Ч. 3–4: Могильники Алтынасар 4. 312 с.
- Левина, 1996 — Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Мастыкова, 2001 — Мастыкова А. В. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. 2001. № 2. С. 23–37.
- Мастыкова, 2004 — Мастыкова А. В. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов // РА. 2004. № 3. С. 55–67.
- Мастыкова, 2009 — Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 500 с.
- Мастыкова и др., 2016 — Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А. Пашковский могильник № 1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1. 370 с.
- Смирнов, 2016 — Смирнов К. Ф. Пашковский могильник № 1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. 276 с.
- Репников, 1906 — Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1906. Вып. 19. С. 1–80.
- Штерн, 1897 — Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1897. Т. 20. С. 1–15.
- Щеглова, Бажан, 1983 — Щеглова О. А., Бажан И. А. Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на Верхнем Псле // КСИА. 1983. Вып. 175: Средневековая археология Восточной Европы. С. 62–67.
- Bemmann et al., 2013 — Bemmann J., Schneider K., Gercken A., Černýš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup. Mainz, 2013 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Vol. 108). 100 S.
- Busch, Korteweg, 1988 — Busch U., Korteweg W. K. Ein merowingerzeitliches Kindergrab aus Aulni-zeux. Überlegungen zu Bergkristallobjekten aus merowingerzeitlichen Gräbern // Bulletin de la Societe Archeologique Champenoise. 1988. T. 81, № 4. S. 9–22.
- Giessler-Müller, 1992 — Giessler-Müller U. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen. Derendingen; Solothurn: Habegger Verlag Derendingen-Solothurn, 1992 (Basler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte; Bd. 11 B). 221 S.
- Ivanišević et al., 2006 — Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006. 351 P.
- Kazanski, Mastykova, 2003 — Kazanski M., Mastykova A. Les éléments germaniques dans la civilisation de la population du Caucase du Nord à l'époque des Grandes Migrations // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz Verlag. 2003. S. 135–176.
- Kazanski, Mastykova, 2007 — Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium (VIIe av. J.-C. — VIIe ap.J.-C.). (Abkhazie, Caucase). Vol. 2: L'étude du site. Oxford, 2007 (BAR International Series; S1721). 482 P.
- Koch et al., 2017 — Koch U., Pichler S., Alt K. W. Archäologische Quellen zur Frühgeschichte Heilbronnns und seiner Stadtteile. Fundberichte aus Baden-Württemberg. 2017. Bd. 37. 514 S.

- Legoux et al.*, 2004 — *Legoux R., Périn P., Vallet F.* Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2004. 65 p.
- Mączyńska et al.*, 2016 — *Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 180 S.
- Meaney*, 1981 — *Meaney A. L.* Anglo-Saxon Amulets and Curing Stones. Oxford: *British Archaeological Reports*, 1981. 364 P. (BAR British Series; 96.)
- Molodin*, 1995 — *Molodin V. I.* Sopka 2, Grab 688 — ein reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der westsibirischen Waldsteppe // *Transeuropen Beiträge zur Bronze und Eisenzeit sibirischen Waldsteppe zwischen Atlantik und Altai: Festschrift für M. Primas: Abhandlungen zur Frühgeschichte, zur klassischen und pövinzeill — rolischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums.* Bonn, 1995. Bd. 34. S. 277–285.
- Quast*, 1993 — *Quast D.* Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Theiss, Konrad, 1993 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; Bd. 52). 162 S.
- Roth, Theune*, 1988 — *Roth H., Theune C.* SW 0 ♀ I–V: Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland. Stuttgart, 1988.
- Schulze-Dörrlamm*, 2002 — *Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen im Römischen-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen mit ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festen Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz, 2002. 268 S.
- Tempelmann-Mączyńska*, 1985 — *Tempelmann-Mączyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1985. 339 S.
- Vierck*, 1977 — *Vierck H.* Zur relativen und absoluten Chronologie der anglischen Grabfunde in England // *Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit.* Bonn, 1977. S. 42–52.
- Zábojník et al.*, 2017 — *Zábojník J., Mitáš V., Štubňa J.* Krištáľov ý mnohosten z Čataja. K problematike nálezov z horského krištáľu v archeologických súvislostiach zo Slovenska a na susediacich územiach // *Slovenská archeológia.* Nitra: Archeologický ústav SAV, 2017. Vol. LXV, N 2. Lik. 346–376.

Crystal multifaceted bead from the settlement of Kartamyshevo-3 and contacts between the Middle Dnieper region and the Northern Black Sea littoral in the 6th–7th century

A. V. Mastykova

This paper considers the find of a large multifaceted bead from rock crystal found at the settlement of Kartamyshevo-3 of the Kolochino culture on the Upper Psel (Oboyansky District, Kursk Oblast). Crystal beads of this type are fairly widespread. They are known in the Northern Black Sea region, primarily in Crimea — in the eastern and south-western parts of the peninsula: in Kimmerian Bosporos, Suuk-Su, Skalistinskoye, Luchistoye, Almak-Dere, and Adym-Chokrak. In the Northern Caucasus it is Dyurso, Pashkovskaya 1 cemetery, Bzhid-1, Khabaz, and Bermamyt cemetery. In the Eastern Black Sea area, beads of the type under consideration have been reported from Abkhazia at the following sites: Armenian Atara, Shapka-Abgydzrakhu, Shapka-Alrakhu, Shapka-Apiancha, Shapka-Tserkovny Kholm-4, Chintaluk, Tsibilium-1 and Tsibilium-2. Large-size multifaceted beads from rock crystal were widespread in Central Europe: Zarzów/Sackrau II, Kiszombor, Hegykő, Viminacium, Holubice, as well as in Western Europe: Villeneuve au Châtelet, Stossen, Niederrospa, Basel-Kleinhüningen, Weingarten I, Altenerding, etc.

On the basis of these parallels, the chronology of the crystal faceted beads is defined within the limits of the end of the 3rd / 4th to the second half of the 7th century. It seems that during the Hun period, in the last third of the 4th — last third of the 5th century, crystal beads of this type were used as a rare prestigious element of the 'princely' culture; they are encountered here as single examples probably due to their expensiveness. They become particularly distributed in the mid-5th — 6th century, and, moreover, they are recorded already in graves of the 'middle class.' Most frequently, beads of this kind come from female burials, but they are known from male

graves with swords where they may have served as sword-knots or, as many German archaeologists suppose, as magic pendants on the swords. Large multifaceted beads from rock crystal are provenient, probably, from the Mediterranean basin, but it is not ruled out that they are Sasanid imports. At least, part of them indeed can have been imported from India or Sasanid Iran, as suggested by finds of such beads in Central Asia at the burial grounds in the Syr-Darya basin and necropoleis of the Otrar oasis in Southern Kazakhstan. However in the Caucasus, they are widespread mostly in the western part of the region: Kabardino-Balkaria, Abkhazia, Lower Kuban, and the Black Sea coast of the Northern Caucasus, i.e. in the zone of the Byzantine influence. The Crimean, and perhaps the majority of the Central and West-European crystal beads, similarly to the Caucasian ones, are of Mediterranean provenance.

The crystal multifaceted bead found at the site of Kartamyshevo-3 most probably came to the Middle Dnieper region due to contacts with South-Western Crimea in the last third of the 6th — first half of the 7th century.